

Ю. В. Бромлей

ЭТНОГРАФИЯ И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ НАРОДОВ *

На нынешнем опасном витке истории как никогда жизненно важно обуздать силы милитаризма, обеспечить мир, предотвратить войну. Придавая первостепенное значение развитию дружественных связей с народами социалистических стран, КПСС проводит последовательную политику мирного сосуществования, взаимовыгодного сотрудничества с капиталистическими странами.

В проекте Программы Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция) говорится: «КПСС и впредь будет делать все от нее зависящее для сохранения мирных условий созидательного труда советских людей, для оздоровления международных отношений, для прекращения захлестнувшей мир гонки вооружений, для того, чтобы отвратить нависшую над народами угрозу ядерной войны»¹.

В сохранение мира вносят свою лепту прогрессивные силы во всем мире. И долг ученых активно содействовать всем антивоенным акциям. Ученые разных научных дисциплин естественно находят свой ракурс действий, направленных на поддержание мира. Важной инициативой было создание в 1983 г. Международной комиссии по изучению проблем мира при Международном Союзе антропологических и этнологических наук. В 1985 г. (19–25 августа) в Москве состоялось заседание этой Международной комиссии. Специалисты, изучающие народы, ищут свои пути, чтобы внести посильный вклад в поддержание мира и развитие сотрудничества между народами.

Как известно, одним из неперемennых условий взаимопонимания народов-этносов является знакомство их с характерными чертами культуры друг друга. Незнание таковых неизбежно влечет за собой предубеждения, затрудняющие взаимопонимание. Поскольку основной предмет этнографии (как и ее приблизительного аналога в англоязычных странах — культурной/социальной антропологии) — изучение культурного своеобразия и в то же время единства народов, составляющих человечество, главный вклад, который может внести этнография во взаимопонимание народов — это получение и распространение объективной и полной информации о культуре, традициях и образе жизни этнических общностей (не только малых, но и крупных, т. е. современных наций).

Всем этим, по моему глубокому убеждению, в первую очередь и определяется значимость этнографии для решения такой актуальнейшей проблемы современности, как борьба за мир. Разумеется, проблемы войны и мира имеют прежде всего социальную природу. Однако контактам народов, как мирным, так и конфликтным, включая войны, присущ свой этнокультурный аспект, и форма взаимоотношений между народами обычно обладает этноспецифическими чертами. Не случайно ныне почти все горячие точки планеты — будь то на Ближнем Востоке, на юге Африки, на Американском континенте, в Северной Ирландии имеют в той или иной степени этническую или этнорасовую окраску.

* Статья написана на основании доклада, сделанного на заседании Международной комиссии по изучению проблем мира при Международном Союзе антропологических и этнологических наук (19–25 августа 1985 г. Москва).

¹ Правда, 26 октября 1985 г., с. 5.

История нашей науки свидетельствует о том, что чуть ли не с момента ее возникновения идеи этнографов оказывали определенное влияние на взаимоотношения народов. Правда, гуманистическая миссия этнографии возобладала далеко не сразу. На протяжении многих десятилетий в науке об этносах и их культурах велась борьба и шло размежевание реакционных и прогрессивных идей, принципов, направлений. В этнографии, как и в общественно-политической жизни, сталкивались, с одной стороны, шовинистско-расистские и великодержавно-колониалистские тенденции, с другой — передовые взгляды борцов против этнической и культурной дискриминации, ассимиляторства и «культурного империализма». Это и понятно. Развиваясь не в безвоздушном пространстве, этнографическая мысль не могла не отражать характера отношений (разумеется, в их определенном социальном преломлении) между народами мира, народами метрополий и колоний, разными группами населения многонациональных государств, между аборигенным и пришлым населением и т. п.

В теоретическом плане огромную роль сыграла (и продолжает играть) борьба передовых этнографов за признание равных прав всех этносов и в тесной связи с этим — всех человеческих рас.

Гуманистическая роль этнографии в данной области стала ощущаться уже в XVIII в., когда выдающийся немецкий ученый и просветитель И. Г. Гердер четко сформулировал мысль о единстве человечества и равных правах на историческое развитие всех его этнических подразделений. «Каннибал на Новой Зеландии и Фенелон, презиаемый патагонец и Ньютон — создания одного и того же вида», — писал он в своих «Идеях к философии истории человечества»². Полувеком позже выдающийся американский этнограф и юрист Л. Г. Морган не только выдвинул фундаментальную идею единства человеческого рода, но и на деле стал защитником прав индейцев-ирокезов, которых хищнически обирали земельные компании. Крупнейший английский эволюционист Э. Тайлор решительно отрицал всякую связь между культурными различиями и расовым делением «однородного по природе» человечества³. В России второй половины XIX в. революционный демократ Н. Г. Чернышевский в своих историко-этнографических работах еще более резко выступил против ходячих представлений о неравенстве рас, неравноценности языков и т. п., а этнограф и антрополог Н. Н. Миклухо-Маклай, видевший в научной деятельности форму борьбы за переустройство общества на справедливых началах, стал как бы символом ученого — защитника аборигенов от колониальной экспансии⁴.

Следует несколько подробнее остановиться на гуманистической деятельности этого выдающегося представителя этнографической науки с тем, чтобы на его примере лишний раз подчеркнуть, что она уже на ранних своих этапах обладала немалыми возможностями для того, чтобы внести существенный вклад во взаимопонимание народов.

Как известно, более ста лет назад, в 1871 г. Миклухо-Маклай высадился на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, где до того еще не ступала нога европейца. Пятнадцать месяцев провел ученый на этом берегу, названном его именем, и затем еще дважды посетил эти места, пробыв здесь в общей сложности около трех лет. Своим мужеством, терпением, справедливостью и гуманностью Миклухо-Маклай сумел преодолеть настороженность папуасов и завоевал их любовь и доверие.

«Вы первый, несомненно, опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества», — писал исследователю великий русский писатель Лев Толстой⁵.

² Herder J. G. *Sämtliche Werke*. Tübingen, 1827, Bd. 1, S. 174.

³ Tylor E. B. *The Origins in Culture*. N. Y., 1958, p. 7.

⁴ См.: *Miklouho-Maclay N. Travels to New Guinea. Diaries, Letters, Documents*. Moscow: Progress Publishers, 1982, p. 5—56.

⁵ Цит. по: *Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.*, т. 4. М.—Л., 1953, с. 465.

Миклухо-Маклай понимал, что нельзя глубоко изучить людей, не сочувствуя их страданиям и радостям, не испытывая желания облегчить их судьбу. Он лечил больных, учил островитян выращивать новые для них культурные растения, познакомил их со спичками, железными топорами и ножами. Используя свой огромный личный авторитет, он успешно предотвращал местные войны.

Сблизившись и подружившись с обитателями Берега Маклая, русский ученый смог собрать ценнейший этнографический и антропологический материал. Огромное значение, в частности, имели его антропологические исследования. Опровергнув бытовавшее у некоторых антропологов мнение о наличии «обезьяноподобных» черт у папуасской расы, ученый доказал, что обитатели Берега Маклая по своей физической организации существенно не отличаются от европейцев. Но, пожалуй, еще важнее было то, что он обнаружил большое сходство между папуасами и европейцами во всем, что касается их психических свойств. Эти наблюдения Миклухо-Маклая имели и сохраняют в наши дни очень важное значение: на примере папуасов он доказал беспочвенность расистских утверждений, будто «отсталые» народы в силу неких физических особенностей и психического склада не способны к прогрессу. Всем ходом своих рассуждений ученый подвел читателей к выводу о том, что папуасы, как и другие темнокожие люди, вполне способны догнать в своем развитии цивилизованных жителей Европы и Америки.

Путешествуя по Меланезии и Микронезии, Миклухо-Маклай столкнулся с мрачной действительностью — похищением в рабство, спаиванием, ограблением и убийствами островитян западноевропейскими и американскими моряками и торговцами. «Истребление темных рас есть не что иное, как применение грубой силы, — писал он в 1877 г. — ... Всякий честный человек должен восстать против злоупотреблений ею»⁶.

На протяжении многих лет Миклухо-Маклай посылал письма и телеграммы европейским государственным деятелям, выступал с публичными лекциями, помещал статьи в газетах и журналах, страстно протестуя против совершающихся злодеяний и требуя уважения человеческих прав островитян Океании. Он представил британским властям тщательно документированную «Записку о похищении людей и рабстве в западной части Тихого океана», в которой ополчился против всей системы работорговли и подневольного труда, процветавшей тогда на островах Океании и сахарных плантациях Квинсленда⁷.

Как с горечью писал сам исследователь, ему не раз приходила мысль, что его призывы пощадить островитян во имя справедливости и гуманности «походят на просьбу, обращенную к акулам, не быть такими прожорливыми»⁸. И все же деятельность русского ученого не была напрасной. Под давлением его разоблачений английские и французские власти вынуждены были ограничить работорговлю на островах Океании. Еще важнее было то, что ученый оставил после себя огромный фактический материал для опровержения теорий о «высших» и «низших» расах.

Активность передовой научной мысли в разоблачении антинаучных идей об имманентном неравенстве человеческих культур особенно возросла в XX в. с его небывалыми по размаху революционным движением и национально-освободительной борьбой народов колоний и этнических меньшинств многонациональных государств за свои права. Огромную роль в этом отношении сыграли труды Ф. Боаса и А. Хрдлички в США, А. Валлуа и К. Леви-Стросса во Франции, Ф. фон Лушана в Германии, Л. Нидерле в Чехословакии, Д. Н. Анучина в России и многих других выдающихся этнографов, антропологов и историков в ряде стран Евро-

⁶ Там же, т. 2, 1950, с. 424.

⁷ Неизвестный документ о борьбе Н. Н. Миклухо-Маклая с рабством и подневольным трудом в Австралии и Океании/Перевод с англ., вступ. статья и комментарии Д. Д. Тумаркина. Расы и народы, II. М., 1981, с. 228—247.

⁸ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч., т. 2, с. 443.

пы и Америки. Заметное место среди них принадлежит также ученым СССР. В этом отношении, в частности, показательны общие гуманистические установки одного из основоположников советской этнографии Л. Я. Штернберга. Читая в 20-х годах лекции в Ленинградском университете, он постоянно подчеркивал, что этнография должна способствовать осознанию людьми всех национальностей идеи культурного единства человечества, вносить свой вклад в развитие отношений равноправия, дружбы и братства между народами.

«Многие совершенно не представляют себе, — говорил он, — что без этнографии, без ее данных, классификации и обобщений нет и не может быть науки о человечестве и его культуре в пространстве и времени. Проще говоря, невозможна ни наука, которая именуется историей, ни такая дисциплина, как социология... Величайшая заслуга этнографии в том именно, что она впервые установила конкретное представление о человечестве в целом. Это она, если можно так выразиться, впервые сделала перекличку всех народов планеты...»⁹.

Чтобы строить новый мир, подчеркивал Штернберг, надо знать прошлое, изучить огромные материалы, доказывающие единство человеческой культуры, развивающейся в многообразии явлений, в зависимости от географических и социальных условий, но идущей вперед, к единому, справедливому и счастливому человечеству¹⁰.

«Какая идея, во все времена и в настоящий момент в особенности, — говорил он, — более важна для общего сознания, чем идея единого человечества, равноправия и братства народов?»¹¹

Представления Штернберга о высоком предназначении этнографа, о роли и задачах этнографической науки в образной, афористической форме сформулированы в его «Десяти заповедях этнографа». Вот одна из «заповедей»: «Не делай себе кумира из своего народа, своей религии, своей культуры. Знай, что все люди потенциально равны: несть ни эллина, ни иудея, ни белого, ни цветного. Кто знает один народ — не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной»¹².

Одна из важных задач, вставших перед советскими этнографами сразу же после Октябрьской революции, была связана с обеспечением этнокультурных прав народов страны. Призывы помочь бывшим угнетенным народам России в борьбе за их культурные права раздавались в русской этнографии и до революции, в особенности со стороны ссыльных революционеров в Сибири. Но тогда это были призывы одиночек. Положение в корне изменилось в советское время, когда помощь этнографов отстаивавшим народам страны в их этнокультурном развитии стала одной из первоочередных задач государственной политики. При этом работа велась в самых различных направлениях — в создании письменности и развитии народного образования, в поддержке прогрессивных традиционно-бытовых черт и в формировании профессионального духовного творчества, в совершенствовании правовой культуры и т. д. Необходимость такой работы была очевидна: без нее в условиях отсталости, доставшейся им от прошлого, многие народы страны не смогли бы осуществить на деле предоставленные им новым законодательством культурные, а тем самым и связанные с ними экономические, общественно-политические и другие человеческие права. В 1930-х годах советские этнографы активно включились в борьбу с чужденоненавистнической идеологией гитлеризма в ее обеих — шовинистской и расистской — ипостасях¹³.

⁹ Цит. по: Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы. — Сов. этнография, 1971, № 2, с. 134. (Эта и последующие цитаты взяты из неопубликованных трудов Штернберга, хранящихся в Ленинградском отделении Архива АН СССР).

¹⁰ Там же, с. 135.

¹¹ Там же, с. 142.

¹² Там же.

¹³ См., например: Наука о расах и расизм. М. — Л., 1938.

Значительную работу, связанную с тем, чтобы расширить сведения народов друг о друге, ведут советские этнографы и в наши дни. Естественно, что в первую очередь это относится к народам нашей многонациональной страны. Их взаимной информированности о характерных чертах культуры, в частности, призваны содействовать многочисленные труды советских этнографов (о населяющих нашу страну этносах, тех или иных компонентах их традиционной культуры, об их этнической истории и современных этнических процессах, протекающих как в различных частях Советского Союза, так и в стране в целом). Ежегодно выходит в свет не менее сотни книг по этой тематике.

Вместе с тем немало делается для распространения знаний об этнической культуре народов зарубежных стран. Это и целые этнокультурные портреты ряда народов (например, многих народов Индии); это и сравнительно-типологические характеристики отдельных компонентов культуры у народов целых континентов (например, четырехтомная монография, посвященная календарным обрядам и праздникам у народов зарубежной Европы или обобщающие труды о жилище и пище у народов зарубежной Азии); это и работы о современных этнических процессах в Африке, Азии, Латинской Америке, США, Канаде и т. д. Это и законченная еще в конце 60-х годов тринадцатитомная серия «Народы мира», большая часть томов которой посвящена народам зарубежных стран, а также завершенная в прошлом году этногеографическая 20-томная серия «Страны и народы», пятнадцать томов которой содержат региональную характеристику народов зарубежных стран, а в двух томах рассматриваются современные глобальные проблемы. Без преувеличения можно сказать, что эти труды пользуются огромной популярностью: «Страны и народы» изданы тиражом 180 тыс. экз., причем все они разошлись по предварительной подписке.

Следует упомянуть и об издании у нас переводов на русский язык трудов крупнейших этнологов Запада. Так, за последние годы были изданы такие капитальные труды, как «Лига ирокезов» Л. Моргана, «Золотая ветвь» Д. Фрезера, «Структурная антропология» и «Печальные тропики» К. Леви-Стросса, готовится к печати сборник избранных трудов М. Мид и т. д.

Немалая роль в международном распространении этнокультурной информации принадлежит, как известно, самому сотрудничеству этнологов. В частности, важной вехой в развитии контактов между советскими и зарубежными этнологами явился VII МКАЭН, состоявшийся в 1964 г. в Москве; в его работе приняло участие более тысячи зарубежных ученых. Следует упомянуть и II конгресс Общества этнологов и фольклористов Европы, проходивший в Суздале в 1982 г. В октябре 1985 г. в Москве состоялось заседание Исполкома этого общества, а также редколлегия журнала «Ethnologia Europaea».

Активное участие наши этнографы принимают и в работе ряда региональных международных организаций. Таковы, например, Международная комиссия по изучению народной культуры стран карпато-балканского региона, отметившая в 1984 году свой 25-летний юбилей, Международный комитет по этнографическому изучению современности. В том же ряду стоят комиссии по изучению этнокультурной истории и современных этнических процессов в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. В 1976 г. в Бургвартенштайне (под эгидой фонда Венер-Грен) была проведена встреча советских и западных (преимущественно английских) этнографов, посвященная проблеме места этнологии в системе наук; как известно, по материалам этого симпозиума Э. Гелнер опубликовал книгу «Советская и западная этнология». Особо следует отметить также создание коллективного труда «Семья и культура», подготовленного в ходе многолетнего сотрудничества этнографов и социологов ряда восточно- и западноевропейских стран (Венгрии, Греции, Италии, Польши, Румынии, СССР, Франции). В этой вышедшей в свет в прошлом году работе (руководители Ю. Арутюнян и Ж. Кюзенье) на основе массовых этносоциологических обследований, проведенных по

единой программе в соответствующих странах, дается характеристика современных этнокультурных процессов, протекающих в рамках семьи.

Важное место в наших международных контактах принадлежит двустороннему сотрудничеству, как с социалистическими странами (например, советскими этнографами совместно с учеными ГДР готовится Словарь основных понятий и терминов этнографии), так и с капиталистическими. Формы этого сотрудничества весьма разнообразны. Это и совместные экспедиции (например, экспедиция советских и индийских антропологов по изучению малых популяций; совместная антропологическая советско-финляндская экспедиция, проводившаяся по очень широкой программе как в СССР, так и в Финляндии), это и этнографические выставки (например, выставка «Кочевые народы Евразии» в Японии и Финляндии).

Одной из важных форм двустороннего сотрудничества являются, как известно, симпозиумы. Некоторые из них приобрели регулярный характер. Пожалуй, наиболее показательны в этом отношении советско-американские симпозиумы по ряду этнографических и антропологических проблем. Такова серия симпозиумов по сравнительному изучению традиционных культур аборигенов Севера СССР и США, по проблемам долгожительства и, наконец, по современным этническим процессам в СССР и США. Так, в июне 1985 г. в Киеве состоялась вторая встреча с американскими коллегами, посвященная изучению проблем этничности. В результате всех этих встреч как в СССР, так и в США опубликован ряд книг. Все это в той или иной мере содействует ознакомлению наших народов с культурой друг друга, преодолению предвзятых этнических стереотипов.

И все же этого явно недостаточно. В данной связи прежде всего возникает вопрос: насколько хорошо крупные народы информированы друг о друге? В частности, можем ли мы быть уверенными, что американцы достаточно знают о культуре советского народа, если у них практически нет работ о многих крупных народах, живущих в нашей стране, численность которых составляет в ряде случаев миллионы человек, а культура развивалась тысячелетиями? Мы не можем позволить себе «роскошь незнания» друг друга. Это в старые времена можно было иметь скудные знания об отдаленных и различных в культурном отношении народах, но это стало невозможным и даже опасным теперь, когда все в мире так взаимозависимо — в определенном отношении у всех народов общая судьба, если иметь в виду перспективу выживания в мире и предотвращения глобальной катастрофы.

Богатство культур народов, их вклад в мировую цивилизацию, взаимообогащение культур в результате мирных контактов — именно это должно стать приоритетной областью этнографических исследований. Не менее важно показать, как непонимание и незнание других народов создают этнические стереотипы (обычно узкие и негативные), которые существуют в современном мире, насколько эти стереотипы расходятся с реальной действительностью и насколько они порождены тем обществом, где формируются. Важен и вопрос о том, кто и почему заинтересован в культурных и иных барьерах на пути межнациональных контактов, какого рода механизмы (политическая пропаганда, средства массовой информации, сфера образования, религия, литература и кино) используются для распространения вражды и ненависти между народами разных культурных и идеологических ориентаций. До сих пор нет обстоятельных исследований о том, как идеологические противоречия и борьба идеологий двух различных социальных систем соотносятся с представлением о народе противоборствующей страны, с отношением к его представителям и его культуре.

Большой интерес представляет вопрос о степени устойчивости позитивных (или негативных) образов других народов: почему у одних народов существуют длительные и устойчивые благожелательные представления друг о друге, которые не так легко меняются и выдерживают «испытание временем», а другим народам достаточно недельной кам-

пани средств массовой информации и политического давления, чтобы не только повлиять, но и даже серьезно изменить на массовом уровне представление о каком-либо народе и отношение к нему?

В зарубежной науке часто употребляются понятия «прикладная» или «неотложная» антропология (этнография), когда речь идет об участии ученых в спасении культурного наследия тех или иных малых народов или даже самих этих народов от исчезновения с лица земли. В качестве «неотложного» и «прикладного» направления можно назвать и общественно-практическую деятельность этнографов по созданию стойких позитивных образов и отношений одного народа к другому. Здесь, кстати, может быть использован богатый опыт прежде всего нашего государства, в том числе его различных политических институтов по созданию среди населения такого рода позитивного отношения к тем или иным реалиям. В идеале можно представить себе своего рода международную неотложную антропологическую (этнографическую) службу (за это могла бы взяться комиссия по неотложной антропологии при Международном союзе антропологических и этнологических наук), которая стояла бы на страже здорового климата в отношениях между народами, имея, конечно, в виду не сферу межгосударственных отношений, а прежде всего характер образов-представлений друг о друге, отношений друг к другу на этнокультурном массовом уровне.

Заслуживает самой широкой поддержки и пропаганды со стороны ученых идея о том, что каждый народ, большой и малый, достоин уважения; можно не принимать его обычаев, образа жизни, можно не соглашаться с тем, какие этот народ имеет политические и идеологические системы, но должно быть аксиомой, которая основывается на всем опыте мировой истории, что каждый народ по-своему талантлив, уникален и бесценен для мировой цивилизации. Как писал знаменитый чешский писатель К. Чапек, «Каждое различие в вещах и людях делает богаче жизнь... Но послушайте, ведь эту многогранность творят народы — ну, конечно, еще и природа, история... но ведь и то и другое слито в народе... Всякую несхожесть стоит полюбить по одному тому, что она делает богаче жизнь. Пускай же нас объединит все, что нас разделяет»¹⁴. Не было, нет и не может быть народа, обладающего одними отрицательными чертами. Подобное допущение означало бы, что такому народу нет места в мировом сообществе. Нет ничего опаснее для дела мира, чем логика подобных рассуждений.

Отсюда же вытекает еще одна проблема, имеющая самое прямое отношение к войне и миру. Это природа этноцентризма некоторых народов. Почему или каким образом рождаются у тех или иных народов (или, может быть, только среди их элиты?) концепции о «предназначении судьбы», о «мировом лидерстве», о сферах «жизненных интересов» и т. п., которые в прошлом уже неоднократно прокладывали путь для войн и агрессий? Этот вопрос актуален не только для политологов, но и для этнографов в той его части, где речь идет о массовом народном сознании, об устойчивой культурной традиции.

У проблемы взаимопонимания народов есть, разумеется, и историко-этнографический аспект.

Обращаясь в 1744 г. к законодательному собранию колониальной Виргинии, ирокезский военный вождь (сахем) Канассатего высказался следующим образом: «Вы, которые столь мудры, должны знать, что разные народы имеют и разные представления о происходящем, и Вы поэтому не должны испытывать чувства обиды и недовольства, если наши представления... окажутся отличными от Ваших». В этих словах находит отражение одно из важных духовных достижений развития человечества еще на его начальных стадиях — осознание необходимости для народов строить мирные отношения, несмотря на культурные различия. Этнографы при изучении ранних цивилизаций и культур, в том

¹⁴ Чапек К. Собр. соч., т. 5, М.: Худ. лит., 1976, с. 213—214.

числе, например, истории ирокезов, до сих пор больше внимания обращали на проявление так называемой «воинственности» народов в прошлом, на выявление причин и характера вражды и военных столкновений между ними. И крайне недостаточно изучался опыт и механизм мирных контактов, а между тем, помимо хорошо известных ирокезских войн, существовал и Великий Закон о мире — конституция Лиги ирокезов, регулировавшая взаимоотношения индейских народов.

Проблема войны и мира давно уже находится в поле зрения этнографии (культурной/социальной антропологии).

Суть этой проблемы формулируется очень коротко: имманентна ли война природе человека, как считал это, скажем, Г. Спенсер? Существует несколько концепций, пытающихся ответить на этот вопрос.

Одна из наиболее известных — концепция врожденной агрессивности человека, в последние десятилетия связываемая с именами известного этнолога Конрада Лоренца, не менее известного анатома Р. Дарта и популяризатора их идей писателя Р. Ардрея. Согласно данной концепции, всему живому присущ инстинкт агрессивности, и люди автоматически наследуют этот инстинкт. Немалый авторитет Лоренца оживил идеи социального дарвинизма, и потребовалась острая критика со стороны многих современных этнологов — Р. Холлуэя, М. Салина, Э. Лича, А. Монтегю и др. — чтобы показать их несостоятельность. Из психологии через работы Дж. Долларда пришла близкая концепция агрессии как реакции на какие бы то ни было помехи, и ее критикам-этнологам пришлось указать, что по крайней мере по отношению к человеку такой мотив не применим. Наконец, известное распространение получила экологическая концепция агрессии, связывающая ее природу с недостатком жизненных ресурсов. Развита преимущественно американскими эколого-антропологами, она встретила аргументированную критику со стороны их же коллег (М. Фрид, М. Харрис, Р. Мэрфи и др.), обративших внимание на крайнюю узость взятого здесь набора мотивов агрессии.

Таким образом, прогрессивные этнографы, антропологи неизменно выступали против концепций извечности войны, развивавшихся представителями смежных наук. Что касается собственно этнографических построений, то к чести их авторов надо сказать, что даже в наиболее курьезных теориях война никогда не выступала как изначальное состояние человечества. Так, например, сторонники взгляда на войну как на один из элементов культурной диффузии (в частности, Маргарет Мид в одной из своих ранних работ) писали, что война была изобретена сравнительно поздно и стала известна лишь определенной части человечества.

Еще важнее другое. Именно этнография показала историческую ограниченность войны, лишь зарождающейся в виде эпизодических вооруженных столкновений на ранних ступенях общественного развития и получающей распространение не ранее эпохи становления классов и государства. Такое понимание генезиса военной активности имплицитно присутствует уже в «Древнем обществе» Моргана и развито Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» в связи с его концепцией военной демократии. Именно такое понимание собственно войны как формы, возникающей только в ходе распада первобытного общества, и присуще марксистской науке.

Существенно отметить, что близкое к этому понимание генезиса военной активности постепенно пробивает себе дорогу и в немарксистской, но исторически ориентированной социальной антропологии Запада. По мнению Лесли Уайта, во многих первобытных племенах фактически не было войны. Ряд современных неозолюционистов формулирует вопрос полнее и точнее, но в принципе с тех же позиций. Так, в частности, У. Ньюкомб выделяет четыре типа военной активности: короткие стычки между локальными группами охотников, собирателей и рыболовов: «примитивные войны» в обществах ранних земледельцев и скотоводов: «настоящие (экономически обусловленные) войны» в стратифицированных и классовых докапиталистических обществах; современные войны

в обществах, переживших индустриальную революцию. А. Вайда показал, что в более развитом обществе тайтян войны велись активнее, чем в менее развитых обществах маори и полинезийцев Маркизских островов. Э. Сервис выделил пять типов военной активности: в локальной группе, в племени, в вождестве, в государстве и в империи; наиболее существенная черта его классификации состоит в том, что военные столкновения на разных уровнях социокультурной интеракции различаются не частотой, а задачами и целями. Еще дальше пошел М. Фрид, различающий доклассовые и классовые войны по двум параметрам — по частоте и по целям.

К проблеме изначальности войн и характера ранних форм военной активности примыкают другие общие вопросы, еще не получившие надлежащей разработки в нашей науке. Назову один из них. А именно: как хорошо известно, этнография больше, чем какая-либо другая научная дисциплина, изучала аборигенные народы, оставшие в своем культурно-стадиальном развитии и ныне стремящиеся преодолеть эту отсталость, обеспечить себе достойные условия существования. Большинство этих народов проживает в странах Азии, Латинской Америки, Африки, которые сами по себе представляют зону бурных социальных трансформаций, где еще далеко не закончился процесс социального и политического освобождения от наследия колониализма и от неоколониальной зависимости. Ясно, что это зона, где сегодня чаще, чем в других районах, состояние общественных отношений характеризуется понятием «война». Ясно, также, что войны в этом районе носят опасный для дела всеобщего мира характер и могут послужить источником глобального конфликта. В этой связи встает один из наиболее сложных вопросов, найти ответ на который отчасти могут этнографы. Как совместить исторически объективное, вполне законное стремление людей и целых народов изменить, улучшить условия своего социального существования, осуществить революционные преобразования с задачей сохранения мирных отношений между народами и государствами, с задачей предотвращения мировой войны?

Большинство ученых сегодня согласны, что сохранение социокультурного status quo для этих народов едва ли приемлемо. Идея сохранения «культурных резерватов», «счастливой первобытности» себя скомпрометировала прежде всего в глазах самих аборигенных групп населения, желающих преодолеть свою отсталость и улучшить жизнь. В этой связи, в частности, представляется важным на основе научного анализа и сравнительно-исторического метода предпринять попытку определить оптимальные пути развития отсталых народов в современном мире. В Азии, например, можно было бы в этом аспекте рассмотреть опыт развития за последние 50 лет в прошлом схожих в культурном отношении кочевых и полукочевых народов советской Средней Азии и стран Среднего Востока. В Латинской Америке революционные преобразования в Никарагуа, видимо, в скором будущем дадут возможность сравнить путь развития индейцев мискито с положением других индейских групп в регионе Центральной Америки. Поиск оптимальных вариантов социокультурного развития, отвечающих прежде всего интересам самих народов, — это не абстрактная социэтнографическая проблема. Это вопрос устранения напряженности и конфликтов, установления мирных отношений между народами. И этнографы не могут стоять в стороне от этой проблемы.

Исторический опыт мирных отношений заслуживает в наше время самого энергичного изучения и широкой пропаганды среди общественности. Люди должны проникнуться мыслью, что не в дни войны, а в дни мира создавалась человеческая цивилизация: строились жилища и мосты, дворцы и храмы, обрабатывались поля и печатались книги, процветали ремесла, науки и искусства. Изучая под этим углом зрения опыт истории и современные процессы в жизни народов, ученые могут оказать большую помощь в создании своего рода «кодекса мира» — норм и правил мирной жизни между народами.

С общепhilософской точки зрения человечество сейчас, видимо, переживает крайне своеобразный, неповторимый этап в своем развитии. С одной стороны, оно достигло такой стадии и находится в такой ситуации, которую можно охарактеризовать как исторический предел войн. Мир как состояние общества стал объективным императивом или исторической закономерностью человеческой эволюции. С другой стороны, в современной ситуации при всей детерминированности исторического процесса объективными социально-экономическими факторами такие важнейшие новые закономерности истории, как обеспечение мира в качестве обязательного условия существования человеческого общества, могут быть реализованы только как результат действия субъективного, т. е. человеческого фактора (имеются в виду целенаправленные антивоенные, миролюбивые действия народов, классов, партий и отдельных личностей). Это — новая ситуация, которую необходимо осознать людям и как можно скорее. И в ней этнографы всего мира призваны внести свой весомый вклад во взаимопонимание народов, в сохранение мира во всем мире.

В этой работе советские этнографы будут руководствоваться положением Проекта Программы КПСС о том, что необходимо «целесообразно содействовать повсеместному утверждению в международных отношениях принципа мирного сосуществования как общепризнанной и всеми соблюдаемой нормы межгосударственных отношений»¹⁵.

¹⁵ Правда, 26 октября 1985 г., с. 6.

Л. А. Тульцева

**ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛЬНОЕ
И ДУХОВНОЕ РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИН
СРЕДНЕЙ АЗИИ (Празднование 8 Марта, 1920—1927 гг.) ***

Становление и развитие современных праздников и обрядов — одна из увлекательных и, по существу, не исследованных проблем в истории социалистической культуры народов СССР. Между тем первые советские праздники, по отзывам современников¹, были столь яркими, захватывающими и впечатляющими, что опыт их проведения не утратил своего значения и в наши дни. Современная историография вопроса в основном ограничивается работами, посвященными ранним советским праздникам с точки зрения режиссуры и художественного оформления². В то же время обществоведов, и особенно этнографов, не может не привлечь вопрос о роли новых советских праздников в духовном возрождении ранее отсталых народов России, их значении для закрепления новых отношений между людьми, формировании нового типа личности и соответственно иных культурных ценностей и ориентаций. Огромную

* Борьбе женщин народов Средней Азии и Казахстана за социальное и духовное раскрепощение посвящено немало работ, но ни в одной из них специально не рассматривалась такая важная для теории и практики коммунистического воспитания проблема, как социально-культурная роль Международного женского дня 8 Марта в раскрепощении женщин народов Востока. Вне поля зрения исследователей остались и публикации журнала «Коммунистка», издававшегося в 1920—1930-х гг.

¹ См., например, материалы о революционных праздниках в прессе тех лет.

² Подробнее см.: Генкин Д. М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975; Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. М.: Искусство, 1971; Аксенов В. С. Организация массовых праздников трудящихся (1918—1920). Л., 1974; Четчин А. И. Основы драматургии и театрализованных представлений. М.: Просвещение, 1981. См. также интереснейшую работу А. И. Мазаева «Праздник как социально-художественное явление» (М.: Наука, 1978).